

Челябинский

рабочий

СРЕДА,

11

МАРТА 1992 г.

№ 48 (21733).

Цена 70 коп.

Издается с апреля 1908 года

ОБЛАСТНАЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

Неизвестная история

ТАЙНА СУНГУЛЬСКОЙ «ШАРАШКИ»

[Окончание.

Начало в № 47].

Это — «грехи» группы Тимофеева-Ресовского. Остались могильники радиоактивных отходов, опытов, небрежные захоронения «звеньища» трупов животных. Самый большой радиоактивный фон был в центральном здании лаборатории. Оно так и стоит сегодня брошенное, так как уровень радиации не позволял там работать людям.

Другим направлением работы было радиохимическое. Им руководил профессор С. А. Вознесенский. Его группа продолжала разрабатывать тему очистки загрязненных вод, изучала поведение изотопов в растворах, при адсорбциях. Здесь впервые разрабатывались безопасные технологии работы с излучающими элементами, ставились проблемы переработки, надежного захоронения радиоактивных отходов.

Кстати, об этом человеке хотелось бы сказать особо. Сергей Александрович Вознесенский родился в семье священника в Нижегородской губернии. С детства у него обнаружилось незаурядные способности к естественным наукам. Еще студентом он был замечен академиком Зеллинским и участвовал с ним в работе по изобретению первого российского противогАЗа. После гражданской войны трудился вместе с выдающимся русским химиком Н. Шилковым, своим главным учителем. Трижды — в 1923, 1927, 1929 годах — Вознесенский выезжал в научные командировки в Германию. Около двух лет в совокупности он провел за изучением опыта работы знаменитой химической лаборатории Фрейндлиха. Здесь и зародилась его главная научная тема — очистка промышленных и сточных вод.

После Вознесенский заведовал кафедрой в МВТУ, Академии химзащиты РККА, институте «Водгео». Избирался членом многих западных академий наук.

Беда пришла перед самой войной. Два самых талантливых его ученика написали доклад в НКВД. Его обвиняли в предательстве, агентурной работе на германскую (припомнили все командировки) разведку. Отсидев с год в Бутырках, Сергей Александрович прямоком поехал в один из сталинских лагерей. (Между

прочим, предавшие его ученики тоже пострадали в мясорубке репрессий. Их взяли почти сразу после него. Один умер на допросах, второй исчез в чудовищном чреве ГУЛАГа).

За четыре года каторжного труда, унижений Вознесенский потерял здоровье, превратился в доходягу. Но главным его мучением были потеря любимой работы, полная изоляция от мира. Например, о том, что идет война, он узнал... в начале 1945 года. По сути, он уже ждал конца, когда его привезли в Сунгуль.

— Его принесли на носилках, сам стоять от слабости он не мог. Худой, желтый, с ввалившимися глазами, беззубым ртом, он походил на мертвеца, — вспоминает В. Г. Лазарев.

Но едва Вознесенский вернулся к работе, попал в более или менее человеческие условия, как ожил, возродился, стал вместе с Ресовским душой маленького научного коллектива лаборатории.

— Они были очень разными людьми, — рассказывает Л. П. Гавриловский, совсем еще молодым специалистом попавший в лабораторию «Б». — Тимофеев-Ресовский — неуправляемая, буйная натура: раздражительный, отходчивый, страстный. Вознесенский же, напротив, спокоен, педантичен, даже, на первый взгляд, меланхолический, язвительный. Но от обоих исходил мощный импульс интеллекта, культуры. Аристократизма, если хотите. Оба они были прекрасными ораторами, легко и непринужденно могли интересно выступать в любой аудитории. Их обоюдной страстью было изучение иностранных языков. Они в совершенстве владели английским, французским, немецким, придумывали различные мероприятия на иностранном языке: вечера, юбилей, научные дебаты. Им хотелось подражать, перенимать то лучшее, чем они были наделены сами. Словом, это были настоящие русские интеллигенты.

Здесь нелишне будет сказать и об официальном руководстве лабораторией. Директором ее был полковник НКВД Александр Уралец. Он вполне мог устроить из верояния ему учреждения мини-филиал ГУЛАГа, сделать невыносимой жизнь ученых. (А такие драконовские режимы сплошь и рядом царили в «шарашках». Достаточно вспомнить муче-

ния Тулолева, Вавилова и других). Но он пошел по другому пути. Уралец сделал все от него зависящее, чтобы отрезавшие от «большой земли» люди не чувствовали себя узниками. Прекрасное питание, медицинское обслуживание, сносные жилищные условия коллектива ученых — это бесспорная заслуга Уральца. Кроме того, он не желал быть пешкой, полным профаном в делах коллектива, формально ему подчиненного. Долгими вечерами просиживал он у «Зубра», Вознесенского, других ученых и слушал их лекции по химии, физике, биологии.

— Атмосфера в нашем небольшом общем доме была самая благоприятная. Жили дружно, любили собираться вместе, чтобы отметить какое-нибудь событие, праздник или просто выйти на природу, — вспоминает Л. П. Гавриловский. — В почете у мужского населения сунгульской «колонии» были рыбалка, охота.

Неплохо жили люди, но неволя все равно начинала угнетать. Особенно после смерти Сталина, когда вывезли из «зоны» интернированных немцев, вернули кое-какие права бывшим политзаключенным из числа ученых. Прошел XX съезд партии, в стране наметились перемены.

И этот час настал. Однако причиной расформирования лаборатории стала не легализация работы ученых, не гуманное отношение к их судьбам, а, скорее, необходимость размещения на Мендарикином полуострове одного из подразделений строящегося неподалеку ядерного института.

«Зубр» уехал с небольшой командой на Миассово, Вознесенского пригласили в УПИ заведовать «закрытой» кафедрой радиохимии. Все открытия, разработки этих восьми лет были объявлены государственными секретами и, в большей части, попали под чиновничье сукно.

Однако оставались люди, их мозги. Работа продолжалась. Жаль, здоровья не всем хватило надолго. Тот же Вознесенский (к слову, так и не реабилитированный при жизни, без званий и наград) умер спустя всего два года после закрытия «шарашки». Рано ушли из жизни и другие специалисты. Но дело учителей продолжили их ученики. М. СВИЦЕВ.

г. ЧЕЛЯБИНСК-70.